

КРАСНОВ ПЁТР НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1950 году в оренбургском селе Ратчино. После окончания сельхозинститута работал агрономом, писал стихи, прозу.

В 1978 году вышла его книга рассказов «Сашкино поле», удостоенная Всесоюзной премии им. М. Горького за лучшую первую книгу автора. Был принят в Союз писателей и окончил Высшие литературные курсы. Его рассказы и повести публиковались в журналах «Наш современник», «Дружба народов», «Молодая гвардия», «Литературная учёба», «Новый мир», «Москва», в еженедельниках «Литературная газета» и «Литературная Россия», во многих выпусках «Роман-газеты», в других периодических изданиях, сборниках и альманахах. Вышло полтора десятка его книг, в том числе три за рубежом, в ГДР и ЧССР. В Оренбурге издано два собрания сочинений в четырёх томах (2005) и пяти томах (2009).

Лауреат премии им. И.А. Бунина, Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка», премий им. Александра Невского «России верные сыны», им. Д.Н. Мамина-Сибиряка, им. П.И. Рычкова, «Ясная Поляна» им. Л.Н. Толстого в номинации «Современная классика» (повесть «Высокие жаворонки»), Большой литературной премии России (2012) и Южно-Уральской литературной премии (2015) за роман «Заполье», а также премий журналов «Москва», «Наш современник» и еженедельника «Литературная Россия». Является одним из авторов первого тома «Шедевров русской литературы XX века» (рассказ «Мост»), удостоен диплома ЮНЕСКО «За выдающийся вклад в мировую культуру». Переводил романы и повести А. Нурпеисова, Н. Лугинова, А. Тагана и других авторов. Секретарь правления Союза писателей России.

Ушлые

(отрывок из рассказа)

Он когда, в какой момент прощания понял, что самое, может, больное сердцу в жизни, в этом бытии под ныне тихим предосенним, в голубенькой размытой акварели небом, средь негромкой затем суеты поминального обеда – испытание любовью? Когда, расставаясь навек, не поцеловал, а прижался, мучительно притиснулся лбом к бумажному венчику на спокойном, только чуть удивлённом материнском челе – к ней, маме, без которой не мог представить своего существования ни во все его давно зрелые, на пятом десятке годы, ни даже теперь, пред свершившимся, тем более в мутном, обещавшем лишь ноющую память будущем? Или когда, не дожидаясь, пока все разойдутся с поминоком, жену оставив с сыновьями и сестрой прибираться, на «жигулёнке» своём вернулся на кладбище и от креста переходил к кресту, к пирамидкам с поржавевшими звёздами и крестиками, к новым под мрамор плитам стоймя, в фотографии глядявываясь, в полужнакомые лица, озабоченные, всё ему казалось, тайной и, одновременно, неким знанием той другой, уже посмертной жизни своей? А потом повернул опять к родительской могилке, к свежей, кусками дёрна обложенной и не успевшей ещё высохнуть и поблёкнуть глине её пополам с чернозёмом, под которой неведомо как пребывала ещё во плоти она, мать его, – и в то же время, он знал, её уже там нет, не было...

И не спросить – где, некого, хотя так много кругом их, на тебя глядящих с молчаливых крестов и надгробий, с выгоревших и потускневших порой до неузнава-

емости, непритязательных по-сельски фотокарточек, подобию лиц и глаз, некогда живых. Всё та же двойственность являла себя здесь, настаивала на себе, душу и мысль надвое разнимала: их, отстранённо глядящих на него и некой думой, тайной своей занятых, ему недоступной, нет здесь давно – и все они, тем не менее, тут, и не только в тяжёлой материальной глине той, но во всём... в обустроенном кладбище самого, да, сиренью и берёзами обсаженного, шелестом и вздохами зрелой листвы встречающего всякого, кому затосковалось отчего-то по ушедшим, кого безгласно позывали они, да в том же селце их Рязановке, речной низиной разбросанном средь огородов и садов, где каждое бревно или кирпич их руками уложены, обихожены, каждая дощечка прибитая, всякий саженец взращён.

Перекрестился ещё раз перед родительской, с похороненным тут пятью годами раньше отцом и теперь навечно на двоих оградкой. И выбрался из рядов могил с пожухлыми, а то и свежими совсем венками и цветками, со всем этим наивным бумажным разноцветьем, простосердечными попытками убажить, заговорить ли смерть и саму свою всегда виноватую память; и прошёл на недавно пригороженное, для других своих приуготовленное сельскими властями место, сел на травку, закурил.

Его, Сарычева, только и отпустили, что на похороны, завтра уже надо было уезжать. На днях ожидалась отправка на полигонные испытания их «изделия», и ему, ведущего конструктора замещающему, при всём желании никак нельзя было отложить

дела важнейшего этого, на которое потрачено столько изнурительных, долгое время неудачных поисков главного решения, столько накачек и наездов от московского начальства выдержано, что уже на грани закрытия завис проект. В другой ситуации он постарался бы и девятого дня материнского дожидаться, отгулов на целый отпуск набралось, и пожил бы тут, на родине всего, что в нём есть кровного, в домишке изначально своём, по местам заветным побродил... ох как давно не навещал их, не успевая в коротких приездах сюда оглядеться, отцу-матери толком помочь по немудрёному хозяйству, да на речке хотя бы посидеть, окушков подёргать. После смерти отца чаще навещался, уговаривая мать переселиться к себе, комнату ей даже с женой приготовили, но та отмахивалась только: нет уж, от своего никуда... Рядом, в райцентре, жила семейно и Ольга, сестрёнка, приглядывала за ней, будучи сама врачом, и кабы не тромб этот... Но что теперь и на кого пенять – на себя, на жизнь самоуправную? Ей наша тоска, наши жалобы – что есть они, что нет. Вот и дом сиротой остался, соседскому догляду препорученный уже, и скоро ли доведётся хотя бы на побывку заглянуть сюда – он и сам не знает, третий год без отпуска, на «передке». А уж чтобы вернуться, поселиться здесь...

И не первый он, не последний такой из крестьянских детей, какие разрываются между делом городским, в его-то случае не меньше чем государственным, край как нужным не ему же одному, а всем, и повелительным

подчас желанием жизни иной, иного же и дела, не навязанного случайными обстоятельствами, а то и причудами судьбы, а изначально сродного тебе, простого, но полновесного, дающего душе уверенность в исполнении долга своего, все мы здесь должники, и вместе с тем и покой бытийственный – которого давно уже не находил в себе, и не только из-за бывающих неудач профессиональных. Из кого-то, более-менее успешных, желание это давно и начисто поыветрено урбанистическими со змогом пополам сквозняками, у иных замещено лёгкой, временами несколько обостряющейся предотпускной ностальгией, хотя предпочитают-то ей Хургаду или, на худой конец, Гурзуф. И лишь совсем немногим достаётся это как некая родовая заноза, какую зубами не вытащить; и нет-нет, да слышишь, читаешь ли, как некто, продав жильё городское, срывается к отчему поближе, к изначальному, есть такие.

Понятно было, что срабатывает тут и давно известное недожество собой и жизнью своей, какое нередкое в русском человеке, где бы он и как ни жил, и если даже прирождённых горожан порою сманивает сельское житьё, то что уж о нашем брате говорить. Другое дело, что и в селе-то сейчас не то что не мёд, а самая что ни есть разруха ползучая всего, что он знал, любил и помнил, и потому если и придётся кому возвращаться, то лишь к остаткам жалким жизни былой, какая вольно шумела здесь и полна была опережающим все наши того времени вопросы-запросы собственным своим, естественным смыслом.

КЕРДАН АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ

Родился 11 января 1957 года в городе Коркино Челябинской области. Окончил высшее военное училище, военную академию и адъюнктуру Военного университета. 27 лет прослужил в Вооружённых силах. Полковник запаса. Доктор культурологии. Автор 56 книг стихов и прозы, вышедших в Москве, Санкт-Петербурге, на Урале и в Западной Сибири. Лауреат Большой литературной премии России, всероссийских и международных литературных премий. Сопредседатель Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Живёт в Екатеринбурге.

* * *

Прекрасное занятие – слушать дождь, Так, будто никогда не слышал прежде... Дождь прибывает пыль, бросает в дрожь К прогулке побуждавшие надежды.

Зато как беззаветно он поёт
О том, что не случилось, не случится...
Вот-вот всю пыль в душе моей прибьёт,
Наохленной, как за окошком птица,

И оживит тот самый чёрствый пласт,
Что коркою покрыл на сердце раны...
Как дождь поёт! Как будто в первый раз
Азартно лупит по стеклу, по раме –
Задорный барабанщик-виртуоз,
Вселенную своим качает ритмом...
Мелодией звучит в ушах вопрос
О неслучившемся, неповторимом...
И, как травинка та, что под землёй,
Глотая влагу, вверх спешит пробиться,
Внимаю песнь дождя душой живой,
Готовой и запеть, и прослезиться...
2016

* * *

Ветер треплет над жильём
Дыма ветхое тряпье...
В доме мы с тобой вдвоём:
Всё моё – навек твоё.
Всё твоё – моё навек,
Даже если дом сутул,
И скрипит, как человек,
В этом доме старый стул.
Пусть над крышей дым дыряв,
Но прозрачны небеса.
Прагматичный век не прав,
Что не верит в чудеса.

Ну а мы с тобой – вдвоём,
И любовь у нас одна,
И судьба, какой живём,
Нам на откуп отдана...
2017

* * *

С чего – не знаю – сердце возропало,
Мол, в детстве ласки мне не доставало,
Мол, не могу теперь припомнить дня,
Чтоб мама просто так к груди прижала,
И пожалела, и расцеловала
Сыночка ненаглядного – меня.
У памяти есть странные провалы...
Меня, конечно, мама обнимала –
Был долгожданным чадом у неё...
Но, видно, так она меня любила,
Что память как-то вдруг не сохранила
Счастливое мальчишечье житьё.

Я помню маму собранной и строгой,
Всегда в работе, ведь забот так много –
Одной ей надо сына поднимать...
И поднимала с помощью Господней...
Я отдал всё б, наверное, сегодня,
Чтоб маму хоть разок ещё обнять!
Склониться к ней, поцеловать ей руки,
За все не встречи наши и разлуки
Прощение у мамы попросить...
Да, ропщет сердце. Оттого и ропщет,
Что походить на мамино так хочет,
И понимает, что – таким – не быть...
2017

* * *

Бабье лето за окном
Переходит в бабью осень:
Дождь сменяется дождём,
Ветер листья вдаль уносит,

Словно стаю быстрых птиц,
Золотистых и багряных...
Чередой событий, лиц
Незнакомых, безымянных
Промелькнёт, отмельтешит –
Жизнь войдёт в разряд привычный.
Будет дождиком проshit
Опустевший двор больничный.
И берёзы, что окрест,
Раздадут своё наследство,
Обнажая зябкий крест
Церкви той, что по соседству.
И, покаившись, душа
Будет думать о хорошем,
И посыплет не спеша
С неба белая пороша...
* * *

Пройдут и эти времена,
И будем мы с тобой, жена,
Смотреть в окошко на закат,
Где облака огнём горят.
Но, отпылав, погаснет свод,
И ночь бездонная придёт.
И нам уже во тьме ночной
Не отыскать судьбы иной,
Как – от звезды брести к звезде –
По стылой лунной борозде
И песню новую слагать,
Что только нам двоим слышать,
Про времена, которых нет
Для всех, кто нам глядит вслед...